

Натали Хэндал

ОДНАЖДЫ В ПАРИЖЕ

Тебе, Махмуд

Ты встретил меня у двери.
Бокал красного вина «Шато Марго».
Я смотрела на тени,
Что могли бы преследовать нас,
На стены, что нас окружали.
Между нами – Аранхуэс.
Полночь или вечер,
Утро или день.

Безмолвие прерывало наши голоса.
В Париже холодно, да и темнеет рано.
Площадь Соединенных Штатов.
Деревья теряют листву, крылья птицы
Растут в твоих ладонях.
Желание. Эхо выстрела.
Река. «Пуля, летевшая
В Сервантеса», -- ты говоришь,
и я отвечаю: «Помню,
Мы оставили его книгу во вчерашнем сне.
Вернемся ли мы,
или тюрьма пришла за нами?»

Кто мы, коль Земля
Поймана ловушкой неподписанных картин?
Где твои глаза?
Страсть. Ладонь. Дыхание.
Только Париж позволяет
Нам верить в наши метафоры.

Мы завидуем тем,
Кто так легко проходит мимо:
Ведь они спят в своих кроватях,
А мы не находим своих.
Дом дальше, чем мы:
Апельсиновый цвет, оливы и кофе.
Я падаю, чтоб подхватить тебя,
Ты помог мне упасть,
Сигарета за сигаретой.

Ты говоришь, нас найдут,
Деревня за деревней.
Говорят, это наш дом,
И в нем есть место,
Даже если ты его не заслужил.
Ты говоришь: «Послушай Бетховена»,
И я ловлю твой взгляд,
Чтобы понять твои тени в толпе,
Родину, исчезнувшую мать.
Или они забыли, что мы способны любить?

Играет «Аве, Мария».
Ты даешь мне почитать стихи
О своей былой возлюбленной.
Окно наполняется вечером,
Раной, раной, наполненной отзвуком,
Отзвуком, наполненным плачем.
Я придвигаюсь поближе.
Я хотела бы уснуть там,
В глубине твоей души,
Я хотела бы держать руку твоей матери,
Руку своего отца.
Я хотела бы видеть Кармель твоими глазами.
Девушку, которую ты целовал
Шесть, шестьдесят зим и лет.
Капли дождя собираются в наших молитвах,
В наших запретных шагах.

Ты говоришь: «Сегодня прилетают птицы».
Земля меньше земли,
Меньше, еще меньше наших движений.

Я зову тебя по имени, и ты отвечаешь.
Смерть, ты обыграл смерть в ее игре.
Твоя свобода забрала тебя,
И я нахожу краски на нашей выцветшей карте.
Ты не попрощался, не перешагнул черту, а просто сделал шаг.
Мы встречаем смерть – значит, она нас не встречает.
Закрываем двери с мыслью о рощах и кущах,
Стихах, что напишем, и письмах, что не отошлем.
«Если будет на то воля божья – до скорого,» -- ты говоришь.
«Если будет на то воля божья,» -- я повторяю: «Иншалла». Земля говорит по-арабски.

Махмуду Дарвишу, 1941-2008

Translated by Sergey Pantsirev